

Светлана Логофет:

«Кремлевская елка — наш Бродвейский мюзикл»

Светлана Логофет училась в художественно-промышленном училище, а затем закончила Школу-студию МХАТ. У нее были замечательные педагоги. Она проходила практику у Татьяны Борисовны Серебряковой — дочери замечательной художницы Зинаиды Серебряковой. Светлану можно назвать наследницей по прямой. Зрелищная культура перешла к ней от мастеров «Мира искусства», для которых и декорации и, в особенности, костюм были важными элементами целого. Костюм должен создавать образ психологически оправданный и, одновременно, быть изысканным, зрелищным. Эти постулаты «Мира искусства» близки Светлане. Как художник Логофет сформировалась в 80-е, в тот период, когда очень популярными становились елки в Кремле. Дело не в том, что это были самые большие представления, Кремлевские елки аккумулировали в себе самые масштабные, самые фантазийные возможности для реализации замыслов. Во многом еще и потому, что для них отпускались немалые деньги, материалы можно было достать любые, то есть создавались условия, которые многим театрам и не снились. Эта работа стала хорошей школой. Она научила Светлану быть точной, доводить свой замысел до совершенства. Костюмы Логофет — абсолютно законченные произведения искусства. Подробнее о своей работе расскажет она сама.

Анаит ОГАНЕСЯН

Впервые меня пригласили в Кремль в 1981 году, и с этого момента началась для меня особая жизнь, продолжавшаяся 11 лет. Для охранников я была местная, они знали меня в лицо. Это и стало моей основной работой. Кончались елки, и уже в марте появлялся новый сценарий, в мае я показывала новые эскизы, летом закупались ткани, в сентябре в мастерских начинали шить костюмы. По сути, подготовка Кремлевской елки занимала весь год. Руки не доходят посчитать, сколько костюмов я сделала — у меня впечатление, что миллион.

Сейчас, как ни странно, на Кремлевской елке экономят на всем. Количество артистов свели к минимуму, в основном используют детишек, чтобы поменьше платить. Сегодня насаждается эдакий мультяшный кич, огромные куклы-костюмы. А тогда, в 80-е, Кремлевские елки готовились как бродвей-

ские мюзиклы, их делали с размахом, не жалея средств. К работе привлекались известные композиторы (Чичков, Шаинский), профессиональные артисты — Александр Ленков, Нелли Пшенная, Любовь Полищук. В мое время бессменным Дедом Морозом был Ефим Байковский. Участвовали профессиональные балетные коллективы — «Классический балет», «Русский сувенир».

Я убеждена, что эти представления были настоящими мюзиклами, правда, со специфическими сюжетами. В них, помнится, непременно действовали пионеры во главе с пионервожатой. Конечно, сценарий напоминал «рыбу». Честно говоря, я и не читала тех кусков сценария, где действовали пионеры. Я их никогда не одевала. Им костюмы приносили из подбора. Для меня важен был не сюжет, а его, так сказать, аранжировка. Ведь этот немудря-

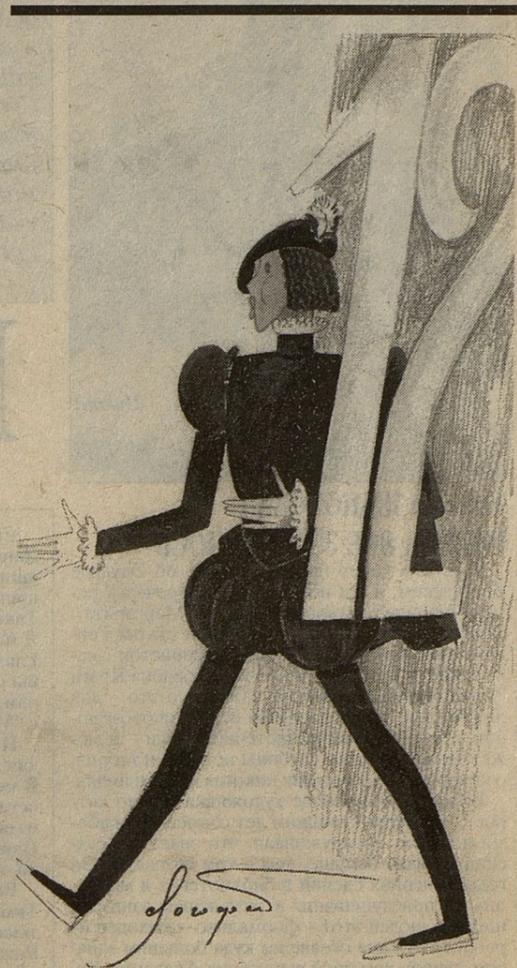
щий текст был не главное, главным были музыка, пение, балет. Я чувствовала себя соавтором феерического зрелища. Сказочную канву я набивала сама. Мы вместе с балетмейстером Давидом Плоткиным, собственно говоря, и сочиняли мюзикл, придумывали персонажей. К примеру, в сценарии действовала Снежная королева — я придумывала ей свиту. А сам стиль елки выявлялся задолго до начала репетиций благодаря образам, которые я придумывала.

Конечно, сценарии из года в год были похожими. Но я органически не могу повторяться. Повторяться скучно. Вот, например, из года в год я придумывала костюм Деда Мороза. То он был тяжелый, то прозрачный, «состоящий из снега». Не было проблем с тканями. Каждый раз я ставила перед собой новую задачу. Это нынче Дед Мороз каждый год одинаковый, его

Зрелище и сцена

Светлана Логофет

можно выпустать в одном и том же костюме. А тогда – после елки все костюмы списывались, раздавались любительским коллективам, по клубам.

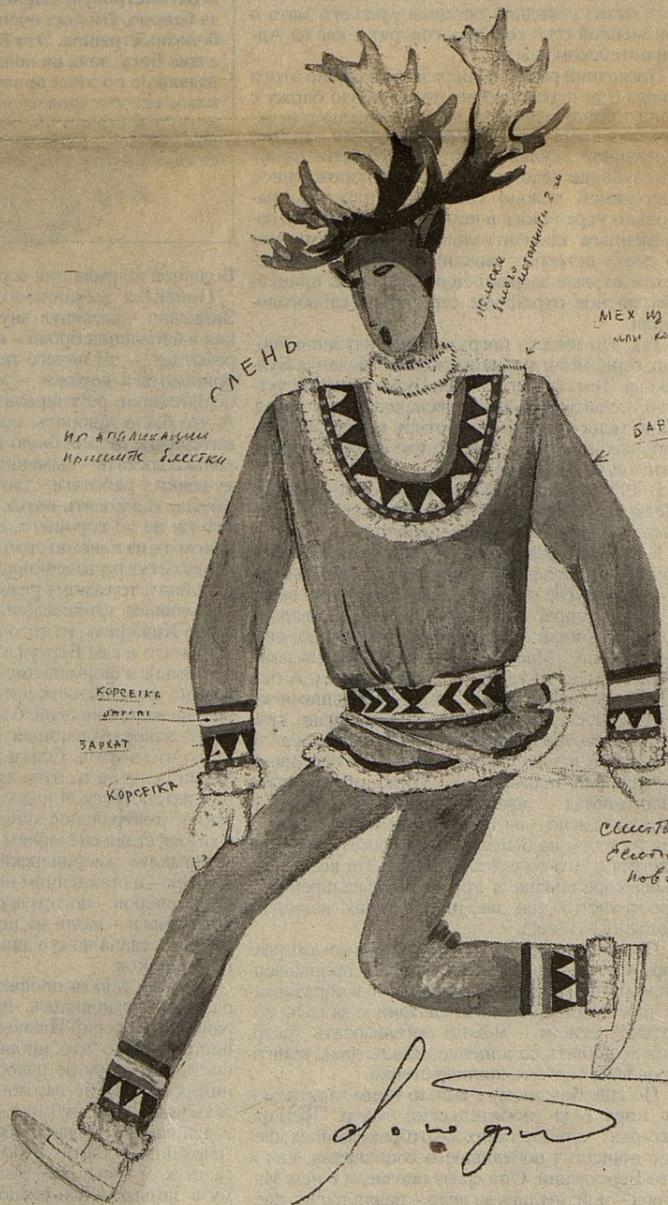
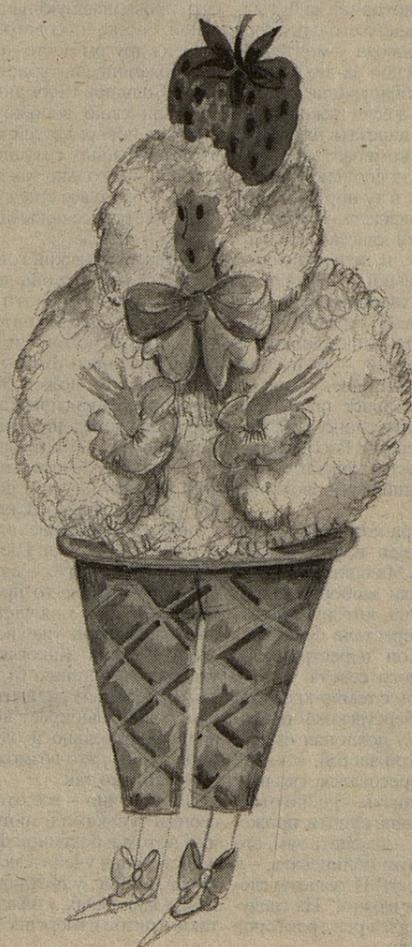
Исключение – мои фирменные снежинки. Они настолько потрясли профсоюзное начальство, что стали классикой Кремлевских елок. Мои «снежинки» выходили на сцену из года в год. Выходили девочки в белых купальничках. На купальнички одевалась пелеринка в два «солнца». Пелеринки были украшены снежными узорами и отделаны серебряной мишурой. Сами пелеринки были прозрачными. А на шапочках на тонких проволоках крепились серебряные шары из мишуры. Но проволоочки не были видны, и когда «снежинки» танцевали, двигались, поднимали руки в

прозрачных пелеринках, создавалось ощущение, что в воздухе, на сцене идет снег.

Ностальгия по прошлому? Может быть. Надо сказать, что у меня, в ту пору молодой девочки, было ощущение свободы и безграничных возможностей. За мной никто не следил. Мне доверяли, что рождало гордость. Тогда, наверное, зарождались мои творческие качества, тогда появилась самодисциплина, важная в профессии. Не правы те, кто думает, что это была легкая работа. Сцена Кремлевского Дворца Съездов – уникальная. Люди на ней смотрят как букашки. Работая на этой сцене, я понимала – образ создается ни одним костюмом, а сотней костюмов. И интересно было придумывать эти образы. Добрые силы. Злые силы. Постепенно при-

ходил постановочный опыт. Я знала сколько нужно костюмов в номере, чтобы произвести впечатление. Эффект происходил, когда масса костюмов сливалась в одну общую картину. Нагрузка на костюмы была очень большая. И главное, дети должны понять, кто перед ними – добрые или злые силы, морское царство или лесное, рыбы или цветы и так далее.

Эти бродвейские мюзиклы были, по существу, закрытым мероприятием. На них пускали только детей. Взрослых не пускали. И вот одиннадцатая лет я работала для себя и для детей. Хотелось воспитать в них любовь к красивому, вкус, культуру. Я относилась к работе серьезно. Я считала: дети приглашены и я должна поразить их воображение!

● Светлана Логофет. Эскизы костюмов к Кремлевским елкам разных лет

Экран и сцена